

ЛАУРЕАТ "РУССКОЙ ПРЕМИИ"
ПРЕМИИ имени Э. ХЕМИНГУЭЯ
ПРЕМИИ имени Н.В. ГОГОЛЯ

В А Л Е Р И Й
БОЧКОВ

MAINSTREAM

EROS & THANATOS

МЕДОВЫЙ
РАЙ

MAINSTREAM. EROS & THANATOS

Валерий Бочков

Медовый рай

«Автор»

2020

Бочков В. Б.

Медовый рай / В. Б. Бочков — «Автор»,
2020 — (MAINSTREAM. EROS & THANATOS)

ISBN 978-5-699-82731-2

Забудьте все, что вы знали о рае. Сюда попасть не так уж сложно, а выйти – практически нельзя. «Медовый рай» – женская исправительная колония, в которой приговоренная к пожизненному заключению восемнадцатилетняя Софья Белкина находит своих ангелов и своих... бесов. Ее ожидает встреча с рыжей Гертрудой, электрическим стулом, от которого ее отделяют ровно 27 шагов. Всего 27 шагов, чтобы убежать из рая...

ISBN 978-5-699-82731-2

© Бочков В. Б., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	11
5	13
6	15
7	18
8	19
9	21
10	23
11	24
12	26
13	27
14	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Валерий Бочков

Медовый рай

Хроника женской тюрьмы в Аризоне и история заключенной этой тюрьмы восемнадцатилетней Сони Белкиной по прозвищу Белка.

«...динамичная, увлекательная, нормальная в самом прекрасном и обыденном смысле этого слова ...та самая возделенная «мидл-литература» (качественная литература для широкого читателя), которой отечественные критики грезили последние пятнадцать лет и которая... так и не сформировалась в виде тренда, однако время от времени дает о себе знать в виде таких вот спорадических всполохов».

Галина Юзефович

1

Белку удивили две вещи – название и цвет.

Официально тюрьма именовалась длинно: «Женское исправительное учреждение имени Джулии Расмуссен». Железные буквы были приварены к стальной арке над воротами, по верху стены тянулась колючая проволока. Стена заканчивалась пузатой сторожевой башней, там, под дощатым навесом, скучал охранник в соломенной шляпе. Снаружи тюрьма напоминала крепость.

– Кто эта Джулия? – спросила Белка сержанта.

– Там расскажут, – не поворачиваясь, ответил тот. – А может, и покажут.

Он толкнул водителя локтем, и они оба заржали.

Ворота лениво раскрылись, и фургон не спешно вкатился под арку и остановился посередине тюремного двора. Сержант клацнул замком, распахнул дверь фургона. Белка вылезла, сделала два шага, осторожно ставя ноги, словно шла по льду. Сержант ловко снял с нее наручники.

– Принимайте красавицу! – весело крикнул он двум охранникам, лениво курившим у ржавой бочки, вкопанной рядом с дощатым помостом, похожим на эшафот. – А то увезу обратно.

...И цвет. Цвет неба. Здесь, в пустыне, оно было пронзительно-синим, ядовито-ярким, как раствор медного купороса. Без единого облачка. Белка привстала на цыпочки, не отрывая взгляда от узкого окошка под самым потолком. Она загадала, что если увидит птицу, то у нее все будет хорошо.

– Малахольная, что ли? – Коренастая баба в униформе пихнула ее. – Глория, присмотри за новенькой!

Грохнула дверь, лязгнул замок.

– Малахольная... – эхом повторила Белка.

Три недели назад, еще до суда, она пыталась отравиться. Таблетками для сна, голубыми, как здешнее небо. Ее откачали. Наверное, таблеток оказалось мало, она не считала, высыпала все из банки в ладонь и проглотила. Дюжины две таблеток, не больше. С тех пор у нее появилось странное ощущение, что все, происходящее с ней, ненастоящее, что-то вроде галлюцинации. Доктор сказал – последствия шока.

Белка, стесняясь наготы, боком присела, положила тюремную робу на кафель. Глория, плечистая негрятянка, бритая под ноль, быстро разделась, кинула свои тряпки в угол.

– Ну ты тоща, мать! – Глория засмеялась, повернула кран. Подставила лицо под струи душа. Улыбаясь, зажмурилась.

В душевой было восемь кабин, по четыре в ряд, друг напротив друга. Дверей не было. Мыла тоже. Белка осторожно повернула кран, вытянула бледную ладонь, вода оказалась чуть теплой. Закрыв глаза, она шагнула под душ.

– У тебя, случаем, не СПИД? – фыркая, спросила Глория. – Тощая, говорю... У нас тут была одна... Со СПИДом. Страшное дело, я тебе скажу!

Она набрала в рот воды и выпустила тонкую струю в потолок. Глория, мускулистая и ладная, цветом похожая на спелый баклажан, была на голову выше Белки. Она весело терла ладонями плоский живот и сильные ляжки. Звонко шлепнула по поджарым ягодицам. Засмеялась. Потом что-то негромко запела низким голосом. Белка тайком наблюдала за ней, она заметила, что ладони и пятки у Глории совсем светлые. Как у нее, у Белки.

– Тебя в мою камеру определили, – сказала Глория. – Я там старшая. Для тебя я бог. Каждое мое слово – закон. Сечешь?

Белка кивнула, Глория запела снова.

– А за что вы сидите? – спросила Белка. Она спросила первое, что пришло в голову. Да и какая разница, если все это тебе видится.

– Сидят на елде, – грубо ответила Глория. – А тут срок отбывают.

– Извините, я не...

– И не извиняйся! – перебила Глория. – Никогда! Если не хочешь...

Замок загремел, дверь распахнулась.

Глория, сверкнув белками, сделала страшное лицо, шепотом приказала Белке: «Молчи!»

В душевую вошел охранник.

– А вот и мыло! – Глория бесстыже уперла руки в бока, выставила лобок. – Наконец!

– Заткнись. – Охранник, в черной форме, мешковатой, будто на размер больше, даже не посмотрел на Глорию. – Новенькая, говорят, у нас.

Белка, сутулясь, повернулась боком, прикрыла локтем грудь. У нее мелко затряслась нижняя губа, она мельком взглянула в лицо охраннику и тут же уставилась в кафель стены. Старые плитки, пожелтевшие от времени, были в мелких трещинах, словно в паутине.

– Как звать? – спросил охранник тихо, почти ласково.

– Соня Белкина, верней, Софья. Белкина, – не поворачиваясь, ответила она.

– Евреечка, да?

– Русская...

– Ух, как интересно. Русская. Не было у нас тут русских. Ну-ка, повернись сюда.

Белка, прижимая локтем грудь, неловко повернулась.

– Руки убрать, – сказал охранник.

Белка беспомощно опустила руки. В душевой воняло плесенью и тухлой водой, как в сыром подвале. Охранник хмыкнул, разглядывая ее грудь, сделал шаг назад, Белка ладонью прикрыла низ живота.

– Руки... – тихо повторил охранник.

Белке показалось, что вода стала ледяной. Пальцы дрожали, она крепко сжала кулаки. Лицо охранника, гладкое, по-детски розовое, словно он еще не начал бриться, выражало скуку. Так из вежливости разглядывают в гостях семейные альбомы. Белка заметила, что у него нет бровей.

Охранник поднял руку и дотронулся указательным пальцем до ее соска – будто аккуратно позвонил в дверь. Белка дернулась, ударила затылком в стену.

– Тихо-тихо... – проговорил он, ухмыляясь.

Его гладкое, безбровое лицо приблизилось, белесые глаза с черными дробинками зрачков уставились прямо в глаза Белки.

«Господи помилуй, да ведь он просто псих, – подумала Белка, прижимаясь спиной к ледяному кафелю. – И глаза, глаза точно как у того...»

Охранник на ощупь нашел кран, закрыл воду.

– А я тебе мыльце принес... – Он сунул руку в карман штанов. – Сейчас мы тебя купать будем... Держи мыльце. Земляничное.

Белка почувствовала, что он что-то сует ей в руку. Ее пальцы онемели, она с трудом разжала кулак.

– Ну ты чухан! – неожиданно громко воскликнула Глория. – Мыло земляничное! Что она тебе – ранетка! Не видишь, что сявка коцаная! СПИД у нее!

Охранник оглянулся.

– Что ты гонишь, белоснежка, – сказал он. – Я ж бумаги ее глядел, чистая она.

– Чистая? – засмеялась Глория. – Валяй тогда. Вперед!

Белка почувствовала, как ее колени стали мягкими, словно они были слеплены из теплого парафина. Она медленно поползла вниз по мокрой стене. Узкое окошко поехало вверх, там в бирюзе что-то мелькнуло. Птица – с облегчением подумала Белка и потеряла сознание.

2

Ночь, фиолетово-плюшевая, опустилась мягко, оставив над рекой рыжую полосу закатной подкладки. На прибрежном песке, полого уходившем в тусклую черноту реки, ждали лошади. Они пятились от воды, фыркая и переступая стройными ногами. Оранжевые блики мерцали на мускулистых боках. Человек в капюшоне (Белка лица не видела, она знала, что туда смотреть нельзя) молча ухватил поводья, лошади покорно побрели к воде. Человек забрался в лодку, отчалил.

Лошади вошли в воду, беззвучно поплыли за лодкой. Вытянутая рука держала поводья, лодка лениво скользила, из тягучей, как смола, воды торчали головы лошадей. Закат почти умер, рыжие отсветы едва вспыхивали в черных, словно спелые вишни, конских глазах.

Другой берег был покруче, но лошади, мокрые и блестящие, будто отлитые из черной стали, легко забралась наверх. Белка вместе с ними. Она с удивлением подумала, что быть лошастью, оказывается, совсем не так плохо. Лошади застыли, повернули большие головы на восток. Там, вдали, у самого горизонта, словно догорающий костер, мерцали огни ночной ярмарки с качелями и каруселями, с островерхими шатрами в гирляндах и китайских фонариках. В центре высилось гигантское чертовое колесо, оно медленно вращалось, на спицах пульсировали рубиновые лампы. Белка очнулась от собственного крика.

Резко воняло нашатырным спиртом. В потолок была вделана лампа в ржавой сетке, похожей на клетку для мелкой птицы. Вроде колибри, подумала Белка и слабой рукой заслонила глаза от резкого света. Она прищурилась, предметы перестали растекаться и наползать друг на друга, тени заняли более или менее подходящие им места. Нависшая каланча вошла в фокус и превратилась в Глорию.

– Очухалась, – облегченно выдохнула она.

От нее пахло ментоловыми сигаретами и еще чем-то пряным вроде мускатного ореха.

– Что... это было, – едва слышно сказала Белка, у нее не хватило сил на вопросительную интонацию. – Который без бровей...

– Вертухай. Шизик... Бесом кличут, – тихо ответила Глория. – Сержант охраны он.

Розовое бабье лицо тут же вынырнуло из памяти, Белка прижала ладонь ко лбу, словно вручную пыталась остановить кошмар. Ей показалось, что ее сейчас вырвет, она схватила ртом воздух, судорожно подалась вперед, издав смешной утиный звук.

– Воды? – Глория повернулась к жестяному баку.

Белка замычала, замотала головой. Она лежала на железной койке, прикрученной болтами к полу, другие три койки – пустые, были накрыты серыми солдатскими одеялами. Глория сунула ей в руку пластмассовую чашку с водой, Белка жадно стала глотать, вода пролилась на робу.

– Извините... – пробормотала она. – Я тут...

Глория выбила чашку из ее рук, навалилась на грудь, локтем придавила к койке. Белка от испуга перестала дышать.

– Слушай внимательно, – прошипела Глория, пялясь страшными глазами. – Повторять не буду. В «Медовом раю» всего два варианта. Вариант первый: ты будешь извиняться и просить прощения, как школьница, и тогда о твою тощую задницу все начнут вытирать ноги. Все – и эки, и охрана. И тогда твой шанс выйти отсюда равен нулю. Тебя или зарежут, или ты сама удавишься...

Глория зло сплюнула на пол.

– Вариант второй: ты соберешь всю свою волю. Если нет воли – злость. Не злость, так страх. Что угодно, но ты должна найти в себе силы. Найти силы остаться человеком. Это не

красивые слова из книжки. Здесь тюрьма – второй попытки никто не даст. Облажалась – и все. Тебя просто раздавят.

Она запнулась, повторила, но уже тише:

– Просто раздавят...

Потом спросила, чуть смущенно:

– Тебе лет-то сколько?

– Восемнадцать...

– Восемнадцать... – Глория неловко провела пальцами по Белкиной щеке. – Прости меня.

Я дрянь, мерзкая тварь...

– Зачем вы...

– Я знаю, что говорю. Я отсидела полсрока, но я не выйду отсюда... Я это знаю. То, что я сделала... – Она поперхнулась, сморщилась и закрыла глаза ладонью.

Снаружи завывала сирена – низкий, унылый звук, словно кто-то протрубил в рог. Лампа под потолком заморгала, погасла, потом зажглась снова вполнакала. Камера стала сумрачной и желтой.

Глория подняла голову, на щеке блестела мокрая полоска. Тыльной стороной ладони она вытерла щеку и заворуженно уставилась на лампу.

– Что это? – отчего-то шепотом спросила Белка.

Лампа пульсировала, противно зудела, как муха между рам.

– Рыжая Гертруда. – Глория тоже ответила шепотом, быстро перекрестилась. – Сейчас начнется...

– Что? Что начнется?

По коридору затопали башмаки, загремели железные засовы, кто-то настезь распахнул их дверь и заорал:

– Живо! На плац! Все на плац!

3

Гертруда стала Рыжей всего двадцать три года назад, после того, как ее покрасили эмалевой краской апельсинового цвета. Такой эмалью обычно красят ремонтные дорожные машины. Кому пришла в голову идея выкрасить Гертруду в такой дурацкий цвет – неизвестно. До этого Гертруда была крепким дубовым креслом, сработанным почти сто лет назад столяром-мебельщиком Куртом Роттенау, отбывавшим тут пожизненное заключение. Гертрудой звали покойную мамашу столяра.

Тогда, в начале прошлого века, казнь при помощи электричества приобрела популярность и в середине двадцатых доползла до южных штатов, вытеснив наконец патриархальную виселицу. Мода достигла Аризоны, и администрация тюрьмы решила не отставать от прогресса. По личной просьбе коменданта столяр Роттенау смастерил ладное кресло с прямой спинкой, а тюремный электрик приладил генератор, проводку и прочую механику – все в соответствии с чертежами, полученными из патентного бюро Альберта Саутвика.

Первая казнь прошла не совсем гладко. Осужденный Бруно Фиш (приговорен к смерти за убийство любовницы, суд присяжных потрясла жестокость преступления – убийца орудовал топором) был обрит наголо, палач приладил под колпак губку, пропитанную электролитом. Пристегнул запястья и лодыжки. Включил рубильник. Разряд тока в две тысячи вольт не убил жертву. Фиш потерял сознание, но продолжал дышать, сердце его билось. Доктор крикнул палачу: «Еще раз! Быстро!» Генератору для полной зарядки потребовалось шесть минут. Потом снова пустили ток.

Один из очевидцев после сострил – гуманней было бы зарубить его топором. Другой очевидец рассказал, что, когда ток включили во второй раз, Фиш неожиданно очнулся. Он бился и страшно кричал, из-под колпака шел черный дым. «Мне даже показалось, что из его рта лезет пламя. Я слышал, как лопнули его глаза, а от запаха горелого мяса меня чуть не вывернуло».

4

Суматоха на плацу улеглась, заключенные построились. От жары и пыли першило в горле, Белка закашлялась. Глория впихнула ее во второй ряд, сама встала рядом. В центре тюремного двора высился дощатый помост с деревянной лесенкой в три ступени. Вокруг помоста и вдоль стены стояли вооруженные автоматами охранники, рядом сидели черные, жилистые псы.

– Доберманы? – тихо спросила Белка, она кулаком терла глаза.

Глория не ответила, из переднего ряда повернулась беззубая негритянка.

– Ага! – весело каркнула старуха на лицо Белки. – Жучки, науськанные на твою сладенькую киску!

Негритянка ткнула Белку в пах большим пальцем и засмеялась.

На подиум неторопливо поднялся плотный лысоватый человек в глухом черном сюртуке вроде пасторского. Подошел к микрофону, поправил шнур. Сложил ладони на животе, словно тайком поддерживал сползавшие штаны. Носатый и степенный, он напоминал сытую кладбищенскую ворону.

– Комендант... – шепнула Глория Белке. – Пасечник наш лунный.

– Почему лунный? – прошептала Белка.

– Молчи!

Комендант шелкнул ногтем по микрофону, откашлялся в сторону.

– Слышно? – непонятно к кому обратился он. – Хорошо... У нас сегодня большой день, я бы сказал – в некотором роде торжество. Сегодня, – он посмотрел на запястье, – ровно двадцать семь минут назад был приведен в исполнение смертный приговор... – Он сделал паузу. – Юбилейный приговор.

Он замолчал, словно ожидая аплодисментов. Становилось жарко. Над плацем висела тишина, было слышно, как сипло дышат доберманы, высунув розовые языки.

– Наш «Медовый рай» – это единственная женская тюрьма в Аризоне, где приводят в исполнение смертный приговор. Единственная! – Он поднял указательный палец. – На всю Аризону!

Он достал белый платок, осторожно вытер лоб и макушку.

– Большая ответственность, согласитесь, – словно вежливо возражая кому-то, сказал комендант. – И вы все должны осознать... эту ответственность. И вы. – Он сделал широкий жест рукой. – Вы все... Вы все и каждая из вас попали сюда не по случайности или недоразумению. На каждой, на каждой из вас лежит грех, грех перед людьми и грех... – Он снова ткнул в небо пальцем, в кулаке был зажат белый платок. – Перед всемогущим Богом!

Он снова вытер лицо. Щурясь, поднял голову. В пустом, пронзительно-синем небе плавило ослепительное солнце. Солнце жарило немилосердно. Белка почувствовала, что платье прилипло к спине, пот щекотной струйкой скользнул под резинку трусов.

– Я гуманист, я человек глубоко и страстно верующий, я осознаю свою миссию здесь, на нашей грешной земле, в этом грешном месте, как божественную миссию. Я – инструмент Всевышнего, я Его кнут. Его плетка!

Комендант резко взмахнул рукой, словно собирался кого-то стегнуть.

– Человек добр по своей природе. Я тоже добр. Но я послан вам во искупление. И тут нет места доброте. Ведь чем больней удар, чем кровавей рана, чем страшней ваши страдания, тут и сейчас... – Он сделал паузу, обводя взглядом плац. – Тем выше ваш шанс на спасение. На спасение души. Еще есть время, пока человек жив, жива и надежда. Никто не хочет услышать слова Всевышнего: «Ступайте от меня, проклятые, ступайте в огонь вечный, в пламя адское, уготованное для сатаны и ангелов его падших!»

Ад – место скверное. Отец наш небесный сотворил ад для вечной муки, вечной кары грешных душ. Туда же Он низвергнул сатану и его воинство. Ад – это тюрьма, смрадная темница, созданная для тех, кто решил не подчиняться Его законам. Вы здесь тоже в тюрьме, но здесь вы можете гулять по тюремному двору, у вас есть кровать, душ. Не так в аду. Как писал блаженный Ансельм, стены адской темницы толще четырех миль, там такое скопище грешников, они так стиснуты, что не могут даже вынуть червей, гложущих их глаза!

– Он что, там был, этот Ансельм? – давясь смехом, прошептала Клэр. – Посмотрел и вернулся?

– Когда я учился в духовной школе, – комендант комкал платок в кулаке, кулак казался темным, загорелым, а платок непорочно-белым, – я познал главное – Господь наш милостив. Это краеугольный камень христианского учения – милосердие. Иисус был послан на землю во искупление грехов наших, дабы вернуть нас, детей заблудших, к Отцу Небесному, в кущи райские.

– Кущи – это что, кусты? – шепотом спросила Клэр, обернувшись. – В кусты, значит?

– И пришел Искупитель! – Комендант грозно повысил голос. – Спаситель наш родился не в царском дворце, не в чертогах сановного вельможи, Он родился в хлеву. Не на батистовых простынях, не на шелке – Он родился на соломе. Тридцать лет Он работал простым плотником, в поте лица добывая хлеб для семьи Своей. Но пробил Его час, и Он, преисполненный сострадания к людям, отправился проповедовать. О чем Он говорил? Он говорил о любви. Он говорил о любви к ближнему – возлюбить соседа своего как самого себя, говорил Он, не так сложно. Почему бы не относиться с симпатией к милой Дженнифер, что живет за соседним забором? Или к добродушному Биллу с пятого этажа? А вот вы попробуйте полюбить врага, ненавистного вам типа, один вид которого, тембр голоса которого заставляет вашу кровь бурлить как кипяток!

Комендант вытер шею платком.

– А Он смог! Его предал ближайший ученик, Его схватили ночью, схватили, как обычного бандита, преступника. Солдаты сорвали с Него одежды, били Его, толпа смеялась, плевала Ему в лицо. Его казнили мучительной смертью, Его прибили к кресту. Но даже там, на Голгофе, в час жесточайших мучений, умирая на кресте, Он нашел в себе силы простить палачей своих. Подумайте об этом!

Белка неожиданно узнала в одном из охранников Беса, того, из душевой. Он стоял рядом с помостом, сложив руки и лениво поглаживая тупорылый автомат. У нее перехватило дыхание, сердце заколотилось. Она подалась назад, стараясь спрятаться за негритянку из первой шеренги.

– Сестра наша Мелисса Блюм, я думаю, уже предстала перед Отцом Небесным. – Комендант посмотрел на часы, словно был в курсе Божьего распорядка. – Будем уповать на Его милость.

Он поднял лицо к солнцу, поморщился и перекрестился.

Заклученные тоже начали невпопад креститься. Белка почувствовала на себе чей-то взгляд, она повернула голову и скосила глаза. За ее спиной стоял охранник с собакой, на его огромный кулак был накручен кожаный поводок. Высокий, выше других на целую голову, широкоплечий и грузный, он казался каким-то мутантом, слишком крупным для нормальной человеческой особи. Белка лишь мельком увидела его лицо – она тут же испуганно отвернулась. Левая сторона от виска до подбородка, казалось, была ошпарена кипятком, на месте глаза темнела впадина со склеенными веками. Правый глаз, дикий, выпученный, смотрел прямо на нее.

– Господи... – пробормотала Белка и тоже начала креститься.

5

В столовой воняло хлоркой. Белка ковыряла ложкой бобовую похлебку, похожую на жирную грязь.

– За что ей балку вlepили? – спросила мулатка с татуировкой вокруг шеи.

– Мелиссе? – Глория отодвинула пустую миску. – Она баклана траванула. А после химии ее пальцы нашли на баяне, которым туза завалили.

– Подстава это! – авторитетно выдала беззубая негритянка. – Я Мелиссу знаю... Верней, знала.

Беззубая быстро перекрестилась и прижала большой палец к губам, будто целуя.

– Закрой базло! Подстава... – Мулатка лениво отмахнулась от беззубой.

Мулатка взъерошила черный ежик, расстегнула пуговицу, из-под воротника к уху вылезло, выколотое синей тушью, слово «мечь».

– Может, и подстава. – Глория поглядела на Белку. – Ну что, фисташка, не катят наши харчи?

– Не катят, – тихо ответила Белка. – Хотите?

Она подвинула миску к Глории.

Вечерняя поверка проходила без пяти десять. Заключение выстраивались перед своими камерами, старшины проводили переключку, докладывали дежурному по сектору. Те докладывали дежурному по тюрьме. В десять в камерах выключали свет.

Белке досталась койка у двери. Дверь была из толстых железных прутьев, между которых едва протискивался кулак. Сквозь решетку был виден кусок коридорного пола и стены с желтым отсветом тусклого фонаря. С другой стороны кровати стоял цинковый унитаз. В унитазе тихо журчала вода, а по коридору каждые полчаса, шаркая башмаками, проходил часовой.

Белка вспомнила слова Глории о силе, о воли, о злости. У нее не было ни того, ни другого, ни третьего. Желание отомстить? Даже этого уже не было. После того как ее откачали, еще там, в Сьера-Висте, ей иногда казалось, что на самом деле она умерла, а все происходящее ей снится. Ведь никто не знает, что с тобой будет после смерти? Может, это и есть загробная жизнь – бесконечная череда мерзких снов?

Она закрыла глаза. Спать не хотелось совсем. Спать она боялась, она знала, что ей приснится. Она начала считать, обычно она начинала не с единицы, а с тридцати трех. Ей нравились две тройки, она мысленно рисовала их, иногда кисточкой вроде китайской – той, что китайцы пишут свои иероглифы и рисуют стрекоз в острых листьях бамбука. Иногда она писала эти цифры стальным пером, аккуратно окуная его в черную тушь. Иногда – цветным мелом на асфальте.

Цифры появлялись и исчезали, тройку сменяла четверка, потом выплывала пятерка. Невидимая рука плавно выписывала пузатую восьмерку. После девятку. Когда перевалило за сотню, в стройную арифметику стали протискиваться какие-то существа, какие-то суелливые насекомые, что-то вроде человекомуравьев. Они карабкались на цифры, своими лилипутскими пилами и молотками корежили их, расчленили. Из обломков что-то мастерили. Белка знала, что они мастерят, но она уже спала. Выпрыгнуть из этого сна было ничуть не легче, чем из предыдущего – про тюрьму. Белка покорно наблюдала за строителями. Появились полосатые шатры, островерхие, с пестрыми флажками. Закружилась карусель, зажглись разноцветные фонарики. Из темноты выплыло чертово колесо, по спицам побежали огоньки, замерцали лапочки на кабинках. Колесо вздрогнуло и медленно начало вращаться.

Белка проснулась. Сердце колотилось так громко, что ей казалось, что этот стук перебудит всех в камере. Она попыталась дышать глубже. Из коридора слышались шаги, Белка

повернулась на бок, замерла и прикрыла глаза. Подглядывая сквозь ресницы, она увидела сначала тень, а после башмаки, грубые, солдатского образца. Ботинки остановились перед дверью в камеру, они были огромные, какого-то невероятного великанского размера.

6

– Шить умеешь? – спросила Глория.

– В смысле? – Белка еще не проснулась, их построили в коридоре перед камерами. Было шесть утра.

Глория зло махнула рукой, ее фиолетовая кожа отливала серым, словно была посыпана пеплом. Она, топая каблуками, пошла к дежурному, доложила, что семнадцатая камера готова к водным процедурам.

В умывальной было тесно, Белке удалось подсунуть зубную щетку под струю, она выдавила пасту и начала чистить зубы. Ее толкали, она протиснулась в угол, пытаясь найти глазами Глорию или кого-нибудь из своей камеры.

– Не меня ищешь, милая... – Девушка с лиловым шрамом через всю щеку приблизила к Белке лицо. От нее пахло хвойным лосьоном.

В туалетных кабинках не было дверей, они все были заняты. Белка решила перетерпеть, она прополоскала рот, сунула щетку в карман. Вышла в коридор. Дверь их камеры была распахнута, но все заключенные стояли снаружи по линейке.

– Быстро! – беззвучно крикнула Глория, Белка встала в строй.

В камере царил бардак – матрасы и одеяла грудой лежали на полу, два охранника вытряхивали содержимое тумбочек – белье, книги, журналы, разноцветная косметика валялись как мусор. Кто-то раздавил тюбик помады, жирная гадость краснела отпечатками каблучков на сером кафеле.

– Что это? – испуганно прошептала Белка. – Что они делают?

– Шмон это, детка! – хихикнула Клэр, беззубая негритянка. – Ищут они.

– Что ищут?

– Мобильники, бабки, наркоту...

Охранник постарше, загорелый и бритый наголо метис, грохнул на пол Белкину тумбочку, оттуда вывалились футболка, трусы, теплые носки, скрученные в бублик. Брезгливой рукой он раскидал тряпки, вывернул носки. Не поворачиваясь, крикнул:

– Старшая! Ко мне!

Глория подошла вплотную к решетке.

– Чье хозяйство?

– Новенькой... Заключенной Белкиной.

– Отлично, – бритый выпрямился. – Где она?

Белку повели по коридору мимо камер, потом по железной лестнице вниз, в подвал. Молодой охранник, почти пацан, распахнул дверь, бритый метис втолкнул Белку внутрь. Дверь захлопнулась. Комната, слепая, без окон и без мебели, была выкрашена красной масляной краской. Красными были пол и потолок. Белка подошла к стене, зачем-то провела пальцами по скользкой, будто потной краске.

– Холодная... – прошептала Белка.

Ей вдруг показалось, что она здесь уже была, в этой комнате, что все это уже виделось ей в каком-то кошмаре. Она даже знала, что последует дальше – вот сейчас раскроется дверь и сюда войдет тот жуткий, с детским розовым лицом.

Дверь открылась, в комнату вошел Бес. Он оглядел стены, потолок, словно попал сюда впервые. Выглянул в коридор.

– Лукас, свободен. Я тут сам...

Захлопнул дверь, повернулся к Белке.

– Русская... – Он улыбнулся, на щеках появились ямочки. – Интересно...

Белка попятилась, уткнулась спиной в стену.

Бес подошел ближе, она вдохнула приторный дух земляничного мыла.

– Интересно... – повторил он. – Смотри, что у тебя нашли. В твоей тумбочке.

Бес осторожно раскрыл ладонь, словно там была бабочка. На ладони лежал маленький пластиковый пакет с чем-то белым, похожим на соль.

– Это не мое, – твердо сказала Белка. – Не мое...

– Я знаю, – ласково кивнул ей Бес. – Конечно, не твое. И полицейского тоже не ты застрелила.

– Ранила...

– Ну ранила, – согласился Бес. – Ранила. Правда, он пока еще в госпитале. И все еще в коме. И врачи не очень оптимистичны. Ты догадываешься, что это значит?

Бес заглянул ей в глаза, Белка не ответила.

– А это значит, что если он умрет, то твои десять лет строгого режима, – Бес щелкнул пальцами, – тут же превратятся в пожизненное заключение без права на апелляцию. Вот что это значит.

Бес приблизил лицо, облизнул губы.

– И еще это значит, что нам предстоит длительные и очень близкие отношения. Я бы даже назвал их интимными. Понимаешь?

Белка прижалась спиной к холодной липкой стене.

– Знаешь, что самое неприятное в тюремной жизни? – Бес говорил вкрадчиво, почти нежно. – Скука. Да, именно скука. Каждый следующий день похож на предыдущий, январь не отличить от августа, прошлый год точная копия года грядущего. Ску-у-ка.

Он закатил глаза и притворно зевнул.

– Но, впрочем, тебе скука не угрожает. Я об этом позабочусь сам. Кстати, как ты думаешь, почему эта камера выкрашена в красный цвет?

– Кровь... – пробормотала Белка. – Чтобы кровь не было видно...

– Что? – Бес засмеялся. – Господи, при чем тут кровь. Ты знаешь, что такое афродизиак? Нет?

Он осторожно раскрыл пакетик, поддел на ноготь большого пальца горку белого порошка.

– Раньше использовали экстракт кокки, яд некоторых грибов, толченный рог носорога, мускус и мирру. Сегодня нам на помощь пришла химия – величайшая из наук. Человек на самом деле всего-навсего сумма химических реакций. Печаль, радость, даже ощущение счастья, по сути, лишь результат взаимодействия химических элементов внутри нашего организма. Достаточно одной таблетки – и ты на вершине мира!

Бес тихо засмеялся.

– Впрочем, вот эта смесь кокаина с поппером – это скорее любовный эликсир. – Он приблизил ноготь с порошком к лицу Белки. – Можно вдохнуть через нос, можно натереть десны, что, на мой взгляд, вульгарно. Даже пошло. Я предпочитаю другой способ приема данного снадобья.

Он улыбнулся, опустил глаза.

– Я называю этот способ – клиторо-вагинальным. Несмотря на медицинскую неблагозвучность, эффект неизменно потрясающий. Набожная монашка, фригидная снулая рыба, законченный синий чулок превращается в неистовую нимфоманку. Ты не поверишь...

Бес засмеялся, поднес ноготь к ноздре и с шумом вдохнул порошок.

Его тут же будто пробило электричеством – он вскрикнул, вытянулся, запрокинув голову, часто затопал каблуками, словно хотел станцевать что-то испанское.

– Ха! – Он ударил кулаком в ладонь. – Ха! Ну сволочь! Вот крепкая дрянь!

Зажмурившись, замотал головой.

– Вот сволочь!

Белка вжалась в стену, словно боясь потерять равновесие.

Бес вскинул голову, вперил в нее глаза, выпученные, в красных прожилках. Руки его тряслись, он ухватил ее за ворот платья. Белка вскрикнула, беспомощно оттолкнула, Бес засмеялся, будто залаял.

Белке стало жутко.

Бес страстной скороговоркой шипел ей что-то в ухо. Она услышала, как затрещало платье, как запрыгали по полу вырванные пуговицы. Бес сорвал лифчик, впился слюнявым ртом ей в грудь. Белка закричала, но вместо крика получился тихий стон, похожий на выдох. Она видела розовое ухо, маленькое и аккуратное, как у ребенка, она не могла отвести взгляда от этого уха, ухо было совсем близко. Стена вдруг стала куда-то отодвигаться, пол качнуло, будто комната отчалила и поплыла. Белка оступилась, расставила ноги, чтоб не упасть.

Бес сжал ее ягодицу, потом ухватил ладонью лобок, Белка пыталась коленом оттолкнуть его, но пинала вяло и беспомощно. Он вцепился в трусы, скомкав материю, с силой рванул. Звонко треснула резинка, затрещала тонкая тряпка. Белка вскрикнула – она почувствовала его пальцы внутри себя. Не отдавая себе отчета, Белка наклонила голову. Ухо было совсем рядом.

7

Ее били, потом кинули в карцер.

Этот карцер по неизвестной причине в тюрьме называли «Баюн». Там не было окон, не было света, пол, по форме напоминавший неправильную трапецию, шел под уклон.

Белка пришла в себя. Она открыла глаза, стала пялиться в темноту, надеясь хоть что-то разглядеть. Поднялась на четвереньки, медленно, на ощупь добралась до стены, встала. Покатый пол, невидимый и скользкий, попытался накрениться. У Белки закружилась голова, ей почудилось, что она идет по зыбкому подвесному мосту.

Дойдя до угла, она остановилась. С углом тоже было не все ладно, он был какой-то тесный, никак не девяносто градусов. В полной темноте, без зрительного подтверждения, сознание, не доверяя тактильным ощущениям, пыталось навязать привычный порядок – горизонтальный пол, прямые углы. Белка, раскинув руки, вжалась спиной в угол. Ее начало мутить. Она сглотнула, во рту было сухо и горько.

Белка вдруг поняла, что на ней нет никакой одежды, что она совершенно голая. Она провела ладонью по бедру, по груди – ничего. Ей тут же показалось, что она начинает мерзнуть. Она, скрестив руки, прижала локти к животу, присела на корточки.

Тут послышался шорох. Звук был негромкий, словно кто-то в темноте лузгал семечки. Белка перестала дышать. Шорох то усиливался, то замолкал. Белке показалось, что звук начал перемещаться вправо. Потом пополз вверх.

– Господи... – прошептала Белка, обнимая колени и крепко прижимая их к груди. Нужно постараться занять как можно меньше места, нужно затаиться, исчезнуть. Она облизнула сухие губы, нижняя распухла и пульсировала тупой горячей болью. Нужно затаиться, тогда этот, который шуршит, ее не заметит. Ему же тоже темно. Будет себе лузгать свои семечки. Это ж какой-нибудь несчастный мышонок, кроха, не больше пальца. Маленький симпатичный мышонок.

Шорох раздался откуда-то сверху, громче и ближе. Явно ближе. И как он забрался на стену? Если это мышонок? Разве мыши могут перемещаться по стене? Нет, не могут. А кто может? Кто?

Звук приближался справа. Белка бесшумно выпрямилась, на цыпочках сделала два шага, замерла снова. Теперь ей казалось, что она слышит, как что-то хрустит, громко и равномерно, словно кто-то бойко работает челюстями. Она попятилась, к хрусту добавились тугие удары, мерные, как стук резинового молота. Белка не сразу поняла, что это кровь стучит в ее висках.

Внезапно хруст оборвался. Темнота теперь звенела и плыла чернильно-багровыми кругами. Белка втянула голову в плечи, приблизила ладони к лицу, защищая глаза. Застыла. В полной тишине что-то сухое и колючее коснулось ее спины. Белка закричала, бросилась вперед и на всем ходу влетела в стену.

8

– Нет, продолжайте максиган в той же дозировке. Добавьте элениум дважды по пять миллиграммов.

– А ноотропил? Мы всегда при сотрясении кололи...

– Нет. Кавинтон. Я тут все написал... Вот – три раза по пять грамм. Но не раньше субботы.

Хлопнула дверь, Белка чуть приоткрыла глаза. Суббота – это когда? Был виден угол стены и часть потолка с желтоватым пятном, похожим на крыло птицы. Воняло плесенью и какой-то медицинской дрянью. Крыло птицы неожиданно превратилось в профиль носатого разбойника. Голова Белки была налита свинцом – унылым серым металлом, мягким, но невероятно тяжелым. Виски ломило. Она закрыла глаза и равнодушно подумала, что смерть иногда не самый худший вариант. Что все зависит от обстоятельств.

В следующий раз, когда она вынырнула из теплой тьмы, рядом кто-то сипло дышал. Еще настырно жужжала муха. Потолок казался лиловым, носатый разбойник – хитрый хамелеон успешно мимикрировал в синее и стал почти неразличим. Белка с трудом повернула голову, это заняло минут пять. На углу тумбочки, потирая лапки, сидела изумрудная муха.

На соседней койке лежал некто, завернутый как мумия в белые тряпки. Запястья и лодыжки мумии были пристегнуты грубыми рыжими ремнями к железным прутьям кровати. Лицо, торчащее из бинтов, казалось темным, словно копченым. На Белку пристально смотрел блестящий глаз.

– Здорово. – Голос у мумии оказался хриплым, но женским. – Проснулась, пиранья?

– Что? – Язык Белки распух и едва двигался. – Кто?

– Под хвост долото! – Мумия сипло заржала. – Ухо-то Бесу едва пришили.

Память Белки милосердно припрятала этот эпизод на самое дно, закидав обрывками давних снов и забытых кошмаров. Белка даже не была уверена, что та история в красной комнате произошла на самом деле.

– А когда... – Она запнулась. – Когда это...

– На той неделе. Дня три о тебе только и говорили. Русская пиранья!

За дверью послышались шаги, щелкнул замок. Соседка замолчала. В палату вошла негритянка в тугой косынке и белом халате. Она включила свет, лампа ярко вспыхнула, спираль тонко запела. Негритянка боком приблизилась к Белке, равнодушно откинула одеяло.

Белка укола не почувствовала. Но почти сразу воздух будто загустел, стал тягучим, как расплавленное стекло. Время словно забуксовало, Белка с вялым интересом следила, как муха трет мохнатые лапки, сидя на углу тумбочки.

Дверь хлопнула. Белка услышала, как, тихо потрескивая, остывала лампа над головой. В нарастающей темноте проплыли красные круги, потом погасли и они. Белка ощутила, как в густеющем мраке происходит какое-то движение. Она уловила странную метаморфозу, не услышала, но, подобно летучей мыши, запеленговала это. Чувство пространства обострилось, ей почудилось, что стены, пол и потолок медленно тронулись и начинают разгон.

Белка поняла, что уже спит.

Воздух посвежел, откуда-то пахнуло рекой. Послышался тихий звон, словно кто-то пересыпал мелкие ракушки из ладони в ладонь. Донеслись едва слышимые детские голоса, они кого-то звали. Белке удалось разобрать – они кричали «Саламанка!».

Она разглядела его, Саламанка вполборота стоял на границе светового круга. Он улыбался и манил ее рукой. Худое запястье, узкая ладонь. Белка с опаской привстала, осторожно выпрямилась, сделала шаг. Еще один. Саламанка отступил во тьму. Белка теперь различала его

статный силуэт, чернота уже не казалась такой непроглядной. Из темноты выступили очертания шатров с флажками, силуэты каруселей и огромного чертового колеса.

Белка закричала, но крика не получилось. Воздух, плотный, как быстрый водный поток, начал тянуть ее в сторону луна-парка.

9

Утром соседняя койка была аккуратно заправлена грубым солдатским одеялом. После душа Белке выдали линейное платье бурого цвета с костяными пуговицами и заношенное сероватое белье – трусы и лифчик. От тряпок воняло хлоркой. Белка вытерлась, медленно оделась. Медсестра-негритянка с молчаливым безразличием наблюдала за ней.

– А где... – Белка кивнула в сторону соседней кровати.

– Иди. – Негритянка подтолкнула ее к двери. – Тебя ждут.

Охранник, молодой парень с выбитым передним зубом, повел ее узким коридором, в низкий потолок через равные промежутки были вделаны тусклые фонари. Белка не могла идти быстро, голова была набита тупой ватной болью, каменный пол то дыбился, то уплывал куда-то вниз. Несколько раз она ловила стену рукой и останавливалась. Охранник нетерпеливо подталкивал ее в спину.

Гулко топая, они поднялись по крутой винтовой лестнице, спаянной из железных прутьев и выкрашенной в ярко-желтый цвет. Как цыпленок, подумала Белка и улыбнулась. Как цыпленок... Она шла впереди, охранник поднимался за ней. Она кожей ощущала на себе его взгляд. На своих ляжках и ягодицах.

– Все разглядел? – зло повернулась к нему Белка. – Или мне трусы снять?

Вошли в пустой холл. Охранник подтолкнул ее к высокой двери. Она раскрыла одну створку, боком вошла и остановилась. За дверью оказалась неожиданно светлая комната, залитая ярким солнцем, с большими чистыми окнами во всю стену. У дальнего окна, заложив руки за спину, стоял комендант тюрьмы Хейз.

– Садись. – Он мельком оглянулся и снова уставился в стекло. – Занятная штука эта жизнь. Я хотел стать священником, а оказался тут, в тюрьме. Мы с тобой по разные стороны решетки, а по сути, и ты и я – мы оба в тюрьме. Занятно...

Он невесело усмехнулся, выдохнул на стекло, наблюдая, как тает туманный овал, а за ним проступает тюремный двор, вышка, часовой в соломенной шляпе, плоская пустыня с таким же плоским, пустым небом.

Белка опустила на простой деревянный стул. Зажав ладони между колен, стала оглядывать кабинет. Пол был выложен светлыми березовыми досками, из светлой березы был и письменный стол. На белой стене висела метровая фотография полной луны.

– Этот снимок сделан с борта «Аполлона-13». – Комендант не спеша направился к Белке. – Ты слышала про «Аполлон-13»?

Белка помотала головой, разглядывая фотографию. Отчетливо виднелись кратеры, горные хребты и пустынные поля, усеянные камнями. Вся поверхность была покрыта слоем белой пыли, словно кто-то обсыпал Луну мукой.

– Ты суеверная? – Комендант присел на край стола. – Черные кошки, разбитые зеркала, цифра тринадцать...

– Не знаю... – Белка пожала плечами. – Мама моя...

При чем тут мама, подумала она и замолчала. Комендант разглядывал ее, покачивая ногой, как маятником. Потом перевел взгляд на фотографию Луны.

– «Аполлон-13»... Мало того... – задумчиво начал он. – Мало того, что это была тринадцатая экспедиция к Луне. Так еще старт ко рабля состоялся в тринадцать часов тринадцать минут. Как тебе такая история?

Комендант ухмыльнулся.

– Неполадки начались сразу – центральный движок первой ступени выключился на две минуты раньше. Мне было четырнадцать лет, а я помню все, как сейчас. Серый экран телеви-

зора, голос диктора... – Он покачал головой. – У памяти странное свойство, некоторые события остаются живыми, словно случились только что...

Он задумался, потом прошелся к окну, постоял, словно разглядывал что-то вдали. Медленно вернулся к столу.

– Лунный модуль планировали посадить тут... – Он ткнул указательным пальцем в седой бок Луны. – Рядом с хребтом Фра Мауро. Там интересная геология, предыдущая экспедиция... – Он запнулся. – Впрочем, это неважно. Первая авария случилась на третьи сутки – тринадцатого апреля.

– Зачем вы мне все это рассказываете? – Белка посмотрела коменданту в глаза.

– Слушай. Ты слушай. Потом все поймешь. Тринадцатого апреля, экипаж только закончил сеанс связи с Землей. Прямая связь из космоса на экране твоего телевизора, фантастика, представляешь? А через шестнадцать секунд после окончания связи взорвался кислородный бак и тут же вышли из строя две из трех батарей электроснабжения. Температура в отсеке упала до пяти градусов Цельсия. Вышел из строя кислородный генератор, в результате взрыва отказал бортовой компьютер и стала невозможной навигация и корректировка. Потом появились проблемы со связью. В Управлении полетом был создан штаб по спасению, там просчитывались и отрабатывались разные варианты. Но я думаю, мало кто верил, что экипаж вернется на Землю.

Комендант замолчал. Белка перевела взгляд на Луну. Неожиданно из хребтов и кратеров сложилось лицо старухи, старуха ухмылялась.

– Они дрейфовали по орбите, выходили на связь, кислорода оставалось на пять суток. Все идеи возвращения на Землю, одна за другой, отбрасывались, признавались невыполнимыми. Поломка двигателей, разгерметизация спускаемого аппарата – казалось, что выхода нет. Пока второму пилоту не пришла идея использовать для спуска на Землю лунный модуль – капсулу, в которой астронавты должны были прилуниться.

Комендант выдержал паузу и торжественно закончил:

– Восемнадцатого апреля лунный модуль приводнился в районе Гавайских островов. Кислорода на борту оставалось на два часа. Всех членов экипажа наградили «Медалью Свободы», высшей наградой для гражданских лиц. Второго пилота звали Фред Хейз. Это был мой старший брат.

Комендант молча смотрел сквозь Белку, задумчиво и хмуро.

– Он меня потом спросил – ты нас похоронил? Я честно сознался – да. Я не смог соврать ему, хоть мне очень не хотелось говорить правду. Тогда он мне сказал: «А я верил, что мы выкрутимся. Ни секунды не сомневался. А главное, я понял, что только я, и я один, решаю, жить мне или умереть. И до тех пор, пока я не поставил на себе крест, я жив. Жив, понимаешь!»

Он снова замолчал, потом наклонился к Белке.

– У меня очень скверная новость. Полицейский, не выходя из комы, умер сегодня утром. Прокурор выдвигает против тебя новое обвинение, он будет требовать смертной казни. Заседание суда назначено на семнадцатое.

Белка рассеянно царапала ногтем угол стула.

– Ты поняла? – тихо спросил Хейз.

Белка кивнула и едва слышно прошептала:

– А семнадцатое, это когда?

Лицо ее стало серым, словно сырой гипс. Она прерывисто вдохнула и медленно, словно дурачась, стала валиться набок.

10

До семнадцатого оставалось две недели.

Когда Белка вернулась в свою камеру, все уже знали и о пересмотре дела, и о дате суда.

– Ну, до суда еще дожить надо! – успокаивала Глория. – Давай решать проблемы по мере их поступления.

– Ага! – встряла беззубая Клэр. – А то не ясно, что за легавого ей балку влепят по самый небалуи!

– А если адвокат...

– Хер горбатый, а не адвокат! – возмутилась Клэр. – Ну какой у этой сямки адвокат? Ей дадут бесплатного доходягу, который не то что мокрушницу, мать Терезу не смог бы защитить. Адвокат, мать вашу! Как дети, честное слово...

Белка молча села на койку. Все верно – ее адвокат, адвокат из Союза защиты гражданских свобод, которого тогда приставили к ней, – мятый тип, похожий на тихого алкоголика, – она видела его всего дважды – двадцать минут в камере, где он, раскрыв потасканный портфель, перекладывал мятые бумажки, и второй раз в зале суда. Там он сбивчиво читал с листа, пару раз переврал ее фамилию, называя то Бокланд, то Кембел. На столе перед присяжными в качестве вещественного доказательства лежал дробовик «Ремингтон». К стволу была привязана веревка с картонной биркой, похожей на ценник. Адвокат иногда поднимал глаза и смотрел куда-то в угол, там стоял сине-оранжевый флаг штата Аризона. На присяжных, смиренно сидевших за деревянной загородкой, точно овцы в загоне, он не взглянул ни разу.

– После суда апелляцию в Верховный Суд подашь, – советовала мулатка с выколотым словом «мечь» на шее. – Вон, Мелисса почти три года после приговора...

– Ну да, все верно! – поддержала Глория. – Апелляция. Там у них чертова прорва прошений, я слышала, в Канзасе один мужик почти десять лет под вышкой прожил.

– А потом? – негромко спросила Белка.

– Ну а что потом? – растерялась Глория. – Потом... Понятное дело... Ну так это ж потом. Все там будем...

Она запнулась и рассеянно перекрестилась.

11

Отец принес «Ремингтон» в начале августа. Четырехзарядный помповый дробовик шестнадцатого калибра с облезшим прикладом, на котором кто-то не очень умело вырезал слово «тихий» – то ли кличку владельца, то ли ружья.

Луна-парк открыли в День поминовения, который по традиции отмечается в последний понедельник мая. К середине лета их захолустный Сан-Лоредо, известный до этого лишь кирпичным заводом, руинами мексиканской церкви восемнадцатого века да чесночными пончиками «капасидо», стал самым посещаемым из всех маленьких городков штата Аризона.

Карусели, аттракционы, гигантское чертово колесо стали отличной ширмой для «Лос-Растрохос», колумбийского наркокартеля, специализирующегося на экспорте кокаина, метамфетамина и героина. После ареста Энрике Серна картель возглавил его брат Хавьер Антонио. За аналитический ум и скрупулезное продумывание операций он получил прозвище Шахматист.

Амбициозный Шахматист провел структурные изменения, создав картель нового типа – мобильную организацию, оснащенную новейшей техникой и средствами связи. В ультрасовременных лабораториях он начал массовое производство синтетического метамфетамина, дешевого и модного наркотика.

Рынок сбыта, оставшийся от брата Энрике, уже не устраивал Шахматиста. Он решил двинуть на север. В первую очередь его интересовал юг Соединенных Штатов. Сан-Лоредо и весь юг Аризоны до этого контролировал мексиканский «Орден Тамплиеров», патриархальный клан с советом старейшин и человеческими жертвоприношениями на инициациях.

В результате передела сфер влияния были уничтожены несколько приграничных мексиканских городков – форпостов и перевалочных баз «тамплиеров». «Тамплиеры» сдали свои позиции, но недавно избранный президент Мексики Энрике Ньето объявил войну с наркомафией своим главным приоритетом. За предыдущие шесть лет на территории Мексики в результате нарковойн погибло более семидесяти тысяч человек.

В ответ на проведенную мексиканской полицией операцию Шахматист развернул кампанию тотального террора – по его приказу убили одиннадцать мэров, расстреляли сотню полицейских, взорвали несколько полицейских участков. Городок Сьюдад-Хуарес на неделю вообще остался без полиции – после взрыва в управлении полиции все оставшиеся в живых полицейские подали заявление об отставке.

Когда отец принес дробовик, мать устроила скандал и весь день не разговаривала с ним. Вечером в новостях показывали полицейский репортаж, красивая белозубая дикторша взволнованным голосом попросила убрать от телевизора детей. На восточной окраине Сан-Лоредо, за брошенным кирпичным заводом обнаружили восемь обезглавленных трупов. Среди убитых была девочка лет семи.

Трубу кирпичного завода было видно из их кухни, а до фабричных ворот минут пятнадцать быстрым шагом. Там раньше работал отец Белки. Завод закрыли прошлым маем, с тех пор отец работу так и не нашел. Тот факт, что на этом заводе работала половина Сан-Лоредо и что вместе с отцом остались без работы почти все их знакомые, семью Белкиных утешал мало.

Мать предлагала переехать. Уехать на север, в Вермонт или Нью-Хэмпшир, начать с нуля – заняться разведением пчел или форели, каким-нибудь фермерством, выращивать эти органически чистые овощи и салаты, которые сегодня продают за сумасшедшие деньги. Она находила в Сети какие-то огородные блоги и восторженно зачитывала оттуда чудесные истории сказочного обогащения продавцов укропа и редиски.

К декабрю отец был согласен на все – два месяца назад он получил последний чек пособия по безработице. К декабрю отец уже был готов переехать куда угодно – в Вермонт, Нью-

Хэмпшир, на Марс, к черту на рога. Сбережения были на нуле, для переезда нужны были деньги, нужно было продать дом. Однако выяснилось, что продать их дом практически невозможно: желающих жить на захолустной окраине с видом на мертвые трубы кирпичного завода не нашлось.

Отец продолжал рассылать резюме. После кризиса строительная индустрия так и не очухалась и потребность в кирпиче оставалась почти на нуле. Отец считался отличным оператором печей для обжига, он любил рассказывать, что именно из его кирпича сооружен постамент памятника генералу Джеку Свиллингу в столице штата, городе Феникс. И еще несколько знаменитых зданий, включая новое здание Дворца Правосудия.

По странной иронии именно в этом Дворце Правосудия Белке дали десять лет строгого режима и именно туда ей снова предстояло отправиться семнадцатого числа.

12

Бес не показывался два дня. На третий Белка увидела его на плацу, куда их вывели из цеха на перекур. Голова Беса была обмотана бинтом, словно у него болел зуб. Белый бинт казался самым ярким пятном в унылом охристом пейзаже тюремного двора. Белка инстинктивно втянула голову, спряталась за Глорию. Но Бес успел ее заметить.

Он долго смотрел в их сторону, лениво морщась от солнца. Потом не спеша направился к курилке. Он шел, поглаживая тупорылый автомат, иногда пинал мелкие камешки. Он шел к ним, шел и улыбался.

Белка вцепилась Глории в рукав.

– Тихо-тихо, – прошептала Глория, быстро затягиваясь. – Он тут не посмеет.

– Ага. – Беззубая Клэр ткнула окурком в край железной бочки. – Не посмеет!

Быстро бросив окурочек, Клэр обошла бочку и встала за ней, две другие женщины тоже отошли в сторону. Не доходя пяти шагов до курилки, Бес остановился. Он не брился несколько дней, на щеках и подбородке появилась щетина, редкая и рыжеватая. Белка встретила с ним взглядом, не выдержала, тут же опустила глаза.

Глория сунула кулаки в карманы платья. Исподлобья следя за Бесом, она закусила фильтр зубами, выпустила дым. Белка часто дышала ей в бритый затылок. Бес подошел вплотную. Снял автомат с предохранителя, нежно провел ладонью по вороненому металлу. Указательный палец лег на курок. Глория выпрямилась, ствол ткнулся ей в солнечное сплетение.

– Курить очень вредно. – Бес левой рукой вынул сигарету изо рта Глории. – Это очень, очень дурная привычка.

Он брезгливо отбросил окурочек в сторону.

– Во всех делах твоих помни о конце твоём, как говорил Экклезиаст. – Бес понюхал свои пальцы. – Смерть, Страшный суд, вечное пламя ада... Небось кошмары по ночам мучат? Ручки детские из колясочки тянутся – мама, мама!

Он сказал это, кривляясь, писклявым голосом. Глория, опустив голову, исподлобья смотрела ему в лицо.

– Но неужели ты настолько глупа, что думаешь... – Бес приблизился к ней вплотную, поморщился. – Фу, как от тебя воняет! Неужели ты думаешь, что твоя забота об этой мрази, – он кивнул на Белку, – искупит твой грех? Неужели ты и вправду думаешь, что грех детоубийства вообще можно искупить?

Дальнейшее произошло с молниеносной быстротой.

Глория зарычала, рванулась вперед, словно хотела свалить Беса. Тот резко ушел вбок. Ловко перехватив автомат, коротким тычком ударил Глорию прикладом в подбородок. Раздался хруст, Глория, запрокинув голову, по инерции сделала еще два шага и тихо опустилась в пыль.

Бес сунул в рот свисток.

Через двор к курилке бежали охранники, доберманы, звонко гавкая, рвали поводки из рук. Глорию, с серым от пыли лицом, поволокли, как большую куклу, в сторону караулки. Все заняло несколько секунд, не больше пятнадцати, Белка даже не двинулась с места. Бес вынул свисток изо рта.

– Тебе больно. – Он подошел к ней и ухмыльнулся. – А ведь я даже не дотронулся до тебя. Пока не дотронулся.

Он сплюнул и пошел неспешным шагом к караулке. Вдруг остановился, словно что-то вспомнив, обернулся.

– Хочу насладиться ожиданием. Ты знаешь, иногда ожидание праздника гораздо приятней самого праздника. А праздник, праздник – он будет! Я тебе обещаю!

13

Белка с остальными спустилась в цех, тут уже стрекотали швейные машинки второй бригады. Перекур закончился. Белка придвинула табуретку, включила мотор. Проверила шпульку, натяг нити, плотно ли прижимает лапка материю. Все, как учила Глория.

Они шили флаги. Национальные, звездно-полосатые – тринадцать полос, белых и красных, плюс пятьдесят белых звезд на синем фоне, и флаги штата Аризона – сине-красные с рыжей звездой, от которой расходились желтые лучи. Кроили флаги в первом цехе, здесь, во втором, они получали разрезанные на полосы разноцветные тряпки. Они их сшивали двухнитиевым челночным швом, Белка уже знала, что этот шов гораздо прочнее цепного, поскольку не распускался при обрыве нити, да и нити на него уходило почти в два раза меньше. В углу сидела Дорин-оверлочница, мрачная лесбиянка с хозяйской хваткой, короткой мужской стрижкой и стеклянным глазом, который выглядел гораздо живее настоящего. Дорин оверлоком обшивала флаги по краю и вшивала в угол белую тряпочную этикетку, на которой стояла мелкая надпись: «С гордостью сделано в США». Глория смеялась, что им платят чуть меньше, чем в Китае, и чуть больше, чем в Индонезии. Сделано с гордостью и почти что даром – говорила она.

Работали так: Белка сшивала желтые лучи с красным полем. Шесть желтых полосок и семь красных. Беззубая Клэр пришивала ультрамариновое поле. Глория вшивала в центр рыжую звезду. После передавала Дорин, та обшивала по периметру, вставляла в шов этикетку про гордость. Складывала пополам, потом еще и еще раз. Все – флаг Аризоны готов.

В мутное окно полуподвала был виден дальний кусок плаца и вход в караульное помещение. Белка каждые пятнадцать секунд вытягивала шею, всматривалась в грязное стекло – снаружи ничего не происходило, чьи-то ботинки бесцельно маячили перед самым окном, кто-то входил и выходил из караулки, дверь бесшумно, как во сне, открывалась и закрывалась. Потом она увидела Глорию. Ее вывели под руки.

Белка вскочила, подбежала к окну.

– Эй! – крикнула ей староста второй бригады – Белка даже не повернулась.

Сквозь пыль окна и из-за стрекота швейных машин происходящее снаружи выглядело как немое кино, мутное и не очень понятное. Вот Глория споткнулась, едва не упала. Ее грубо подхватили, тряхнули, поставили на ноги. Рядом бесновались два добермана – юрких, как два хлыста, и тоже немых. Откуда-то сверху опустилась клетка, охранники втолкнули Глорию внутрь. Беззвучно захлопнулась решетчатая дверь, охранник что-то крикнул, подал кому-то знак рукой. Клетка медленно поползла наверх и исчезла из видимости. Белка, присев, прижалась щекой к стеклу – двор, кусок стены, клетки видно не было.

– Что это? – Она растерянно обернулась. – Что это было?

Швейные машины весело трещали, пестрые тряпки флагов карнавальными драпировками топорщились на столах, живописными складками сползали на пол. Заключенные работали. Белка глаз не видела, лишь линялые платки, затянутые на головах, согласно тюремному правилу.

– Вы что? – тихо спросила она, отходя от окна. – Что с вами?

Машинки продолжали стрекотать.

– Это ж Глория! Она ж... – Белка подбежала к Клэр. – Она ж вам как сестра!

Беззубая подняла злые глаза на миг, не останавливая шитья.

– Вы ж видели... – Белка оглядела цех. – Все видели. Ведь он сам, она даже не сказала ничего. Как же... Ну как так! Дорин! – Белка ухватила оверлочницу за плечо. – Ну ведь надо что-то делать? Дорин!

Та встала, приблизила лицо. Белке показалось, что она увидела страх на дне ее стеклянного глаза.

– Дура, – тихо произнесла оверлочница. – Он только этого и добивается. Чтоб ты закатила истерику.

Большими красными руками она без видимого усилия приподняла Белку и усадила за ее стол. Белка дернулась, хотела встать, хотела что-то еще сказать.

– Шей! – приказала Дорин. – И молчи.

Белка опустилась на табуретку, проверила пальцем нить, прижала материю лапкой. Мотор затрещал, игла запрыгала азартным зигзагом, втыкаясь то в красное, то в желтое. Белка кусала губы, морщилась, но слезы все равно потекли. Они текли и капали, расплываясь темными кляксами на красно-желтом поле флага Аризоны.

14

В конце смены обе бригады вывели из швейной и выстроили в шеренгу на плацу.

– Вверх смотреть! – скомандовал охранник, коренастый битюг с румяной шеей. – Вверх!

Клетка висела на уровне второго этажа. Из узкого чердачного окна центральной башни, словно клюв, торчала балка с колесом и цепью. Один конец цепи уходил в чердачное окно, другой был припаян к кольцу на крыше клетки.

Глория не двигалась, она лежала, похожая на ворох тряпья. Между прутьев решетки свешивалась нога, смуглая, почти шоколадная, но с розовой пяткой. От этой беззащитной белизны Белке захотелось выть.

Охранник, покачиваясь на каблуках, прошелся взад и вперед, вглядываясь в лица заключенных. Потом достал сигарету, долго разминал ее. Так и не закурив, сунул обратно в пачку. Неспешной походкой пошел к караулке. Не оглядываясь, вошел внутрь. Хлопнула дверь, и над плацем повисла тишина.

– Она без сознания, – кто-то тихо сказал. – Вишь, даже не шевельнется.

– Чухна! Да ты видела, как Бес ей прикладом! Тут, мать твою, не то что шевелиться...

– Тихо! – Белка узнала южный говор бригадирши из второй. – Атас цинкует, курвы!

Через двор шел охранник с доберманом, это был тот урод-великан с ожогом на пол-лица. Он, не останавливаясь, поглядел вверх, на клетку, потом на заключенных на плацу. Доберман, мускулистый, лоснящийся, словно отлитый из черной стали, упруго бежал рядом.

– Кит это, – сказала беззубая Клэр. – Контуженый.

– А что у него с лицом? – спросила Белка.

– Обгорел, что ли, хер его знает.

– Муджахеды его в Афгане...

– В Фигане! Много ты знаешь, сявка...

– Кончай забланивать! – зашипела бригадирша. – Всю ночь хотите на плацу загорать, сиповки потные?

За крепостной стеной тюрьмы, за башнями, за вздыбленными, как застывшие волны, барханами растекалась оранжевая муть заката. Там плавилось солнце, чуть сплющенное и похожее на нежный желток. От него струился тягучий жар – нижний край облака загорался ярким волшебным светом, то вспыхивая переливчатой ртутью, то умирая сизым перламутром.

Запад был красив и по-женски томен, а вот к югу небо темнело, наливалось свинцовой синевой, словно там зрела какая-то беда. Оттуда дул упругий ветер, знойный и колючий. По рыжим барханам скользили волны пыли, призрачные и похожие на оптический обман – казалось, что пустыня дышит подобно океану.

Белка облизнула сухие губы, на зубах захрустел песок.

– Дождь... – сказала она неизвестно кому. Сплюнула и вытерла губы тыльной стороной руки.

Солнечный шар коснулся горизонта и неожиданно стал багровым. Желток превратился в нарыв, осветив полнеба малиновым заревом. На миг все вокруг – пустыня, стены, тюремный двор, лица женщин – окрасилось теплым персиковым цветом. У Белки перехватило дух – этот сказочный свет, золотой, с прозрачными лиловыми тенями, казалось, лучился добром и покоем. Белка замерла, стараясь не упустить это чувство, стараясь его запомнить.

Тьма обрушилась почти сразу. На западе вспыхнула и погасла пунцовая полоса, похожая на рану. Тут же, словно кто-то, дождавшись темноты, выпустил из пустыни тугой мощный ветер. Он выл, нес песок, мелкий мусор и сухие колючки. Белка зажмурилась, кто-то рядом выругался, отплеываясь.

– Дождь! – крикнула Белка соседке, скуластой мексиканке с лицом цвета копченой камбалы.

– Это не дождь, – мрачно отозвалась мексиканка. – Гляди!

Она указала рукой на юг. Там на самом горизонте в чернильных потемках медленно бродило черное веретено. Оно ходило плавной юлой, извивалось, будто плясало какой-то шаманский танец.

– Смерч... – прошептала Белка. – Никогда не видела...

Ветер подул сильнее. Мексиканка быстро перекрестилась.

– Торнадо, – сказала она. – «Пыльный дьявол» зовут. Из Сьюдад-Хуарес идет...

– У нас в Миссисипи, – перебила ее беззубая Клэр, – такая вот хрень целое озеро высохла. Вся воду, представляешь? Я девчонкой была, мы ходили всей деревней потом раков собирали. По дну ходили...

Смерч напоминал черный хобот. Он змеился, воронка у основания то раздувалась, как юбка, то сжималась, натужно всасывая песок и камни. Среди выдранных кустов и мусора крутилось вырванное с корнем дерево.

– Дерево, гляди... – изумленно сказал кто-то.

– Что дерево! Коров уносит как делать нечего!

– Я слыхала, в Оклахоме целую церковь прям с людьми унесло. Унесло, а после поставило. Никто не повредился даже.

– Ага! В Изумрудный город, в страну Оз доставило!

– Эй! А ведь эта дрянь прямо к нам движется!

За несколько минут смерч действительно приблизился. Туча, густая, как смолистый черный вар, клубясь, медленно наползала и уже закрыла полнеба. Хобот с воронкой, пьяно раскачиваясь, шарил по земле, другим концом уходил в мохнатое брюхо тучи, словно труба дьявольского пылесоса. Изредка вспыхивали молнии, озаряя округу бледным лимонным светом.

Налетел шквал. Пронесся, больно стегая песком и мелкими камнями по лицу и голым ногам. Белка закрыла лицо ладонями. Сбоку кто-то отчаянно матерился. Кто-то торопливо молился, словно от быстроты произнесения слов зависело спасение. Женщины сбились в кучу, инстинктивно стараясь оказаться внутри толпы, защититься другими телами.

Среди криков и воя ветра неожиданно появился какой-то новый звук – низкий и глухой, он нарастал с каждой секундой. Будто на них несся груженный товарняк – Белке даже почудилось, что земля мелко задрожала.

– Суки! Вертухай! – завизжала какая-то баба, стараясь перекричать грохот. – Дверь отприте, нелюди!

Она кинулась к двери, принялась колотить руками и ногами. Порыв ветра сорвал платок с ее головы, сизая тряпка, словно ожив, дернулась вбок и тут же взвилась свечой и исчезла. Еще три женщины подбежали к двери. Отталкивая друг друга, они молотили в закрытую дверь.

Белка опустилась на корточки, прикрыв глаза ладонями и шурясь, она пыталась разглядеть, что происходит с Глорией. Клетка раскачивалась, как маятник. Глория пришла в себя, она стояла на коленях и держалась за прутья решетки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.